

Научная статья

DOI: 10.17748/2219-6048-2023-16-1-92-105

УДК 316.347(470.62)

Мадина Магомедкамиловна Шахбанова

Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН

Science Researcher ID: ABA-2690-2020

ORCID id: <https://orcid.org/0000-0003-1325-9452>

Махачкала, Россия

madina2405@mail.ru

**ИСЛАМСКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ И СОВРЕМЕННОЕ
ДАГЕСТАНСКОЕ ОБЩЕСТВО: ВЕКТОРЫ РАЗВИТИЯ**

Аннотация. Введение: Исламское возрождение – процесс сложный и противоречивый, в нем заложен как позитивный, так и негативный потенциал. Последствия укрепления позиций мусульманства в современном дагестанском обществе представляются важным аспектом, ибо траектория данного процесса определяет стабильность и сохранение межрелигиозного согласия.

Методы исследования. Эмпирическое исследование проведено в 2023 г. методом случайного отбора. Объектом исследования является исламское возрождение. Предметом исследования выступает отражение религиозного (исламского) возрождения на современное дагестанское общество. Место проведения опроса: гг. Махачкала, Дербент, Кизилюрт, Хасавюрт, Ботлихский, Дербентский, Казбековский, Кизлярский районы. Распределение по социально-демографическим параметрам: а) пол: мужчины – 249 чел. (48,8%), женщины – 261 чел. (51,2%); б) возраст: 15–17 лет – 144 чел. (28,3%), 18–25 лет – 173 чел. (34,0%), 26–35 лет – 193 чел. (41,7%); в) образование: неполное среднее – 74 чел. (14,4%), среднее – 107 (21,0%), среднее специальное – 173 чел. (34,1%), высшее – 156 чел. (30,5%); д) отношение к религии: убежденно верующий – 198 чел. (38,8%), верующий – 273 (53,5%), колеблющийся – 25 чел. (4,9%), неверующий – 11 чел. (2,2%), убежденно неверующий – 3 чел. (0,6%). N=510.

Результаты исследования. Эмпирика показывает обозначение опрошенной дагестанской молодежью особого статуса ислама с доводом численности последователей мусульманства. Респонденты позитив исламского возрождения

для Дагестана усматривают в улучшении межнациональных отношений и повышении нравственности населения, развитии благотворительности и помощи нуждающимся социальным группам, отсутствии межрелигиозного конфликта. Вместе с тем, деструктивные явления в межрелигиозной сфере современного дагестанского общества опрошенное молодое поколение связывает с распространением на территории республики «чуждых» традиционным вероисповеданиям религиозных течений.

Ключевые слова: религия, ислам, веротерпимость, межрелигиозная интолерантность, дагестанское общество, исламское возрождение, верующие, исламские установки

Для цитирования: Шахбанова М.М. Исламское возрождение и современное дагестанское общество: векторы развития // Историческая и социально-образовательная мысль. 2024. Том 16. № 1 Р 92-105
DOI: 10.17748/2219-6048-2023-16-1-92-105

Original article

THE ISLAMIC RENAISSANCE AND MODERN DAGESTAN SOCIETY: DEVELOPMENT VECTORS

Madina M. Shakhbanova

Institute of History, Archeology and Ethnography of Dagestan Federal

Research Center Russian Academy of Science

ORCID id: <https://orcid.org/0000-0003-1325-9452>

Science Researcher ID: ABA-2690-2020

Makhachkala, Russia

madina2405@mail.ru

Abstract Introduction: The Islamic renaissance is a complex and contradictory process, it has both positive and negative potential. The consequences of strengthening the position of Islam in modern Dagestan society seem to be an important aspect, because the trajectory of this process determines the stability and preservation of interreligious harmony.

Research methods. An empirical study was conducted in 2023 by random selection. The object of the study is the Islamic renaissance. The subject of the study is the reflection of the religious (Islamic) renaissance on modern Dagestan society. The place of the survey: Makhachkala, Derbent, Kizilyurt, Khasavyurt, Botlikhsky, Derbent, Kazbekov, Kizlyar districts. Distribution by socio-demographic parameters: a) gender:

249 men (48.8%), 261 women (51.2%); b) age: 15-17 years – 144 people (28.3%), 18-25 years – 173 people (34.0%), 26-35 years – 193 people (41.7%); c) education: incomplete average – 74 people (14.4%), average – 107 (21.0%), specialized secondary – 173 people (34.1%), higher – 156 people (30.5%); e) attitude to religion: a convinced believer – 198 people (38.8%), a believer – 273 (53.5%), hesitant – 25 people (4.9%), unbeliever – 11 people (2.2%), convinced unbeliever – 3 people (0.6%). N=510.

The results of the study. Empiricism shows that the designation of the special status of Islam with the argument of the number of followers of Islam is characteristic of the mass consciousness of Dagestan youth. Respondents consider the improvement of interethnic relations and the improvement of morals of the population, the development of charity and assistance to needy social groups, the absence of interreligious conflict to be positive in the Islamic revival for Dagestan. At the same time, the respondents associate destructive phenomena in the interreligious sphere of modern Dagestan society with the spread of religious movements "alien" to traditional faiths in the republic.

Keywords: religion, Islam, religious tolerance, interreligious intolerance, Dagestan society, Islamic revival, believers, Islamic attitudes

For citation: Shakhbanova M.M. The Islamic renaissance and modern Dagestan society: development vectors. Historical and Social-Educational Idea. 2024. Vol. 16, No. 1. P. 92-105 (In Russ.).

DOI: 10.17748/2219-6048-2023-16-1-92-105

Введение. Советская власть провозгласила новые принципы государственного устройства и идеологию, соответствующую новому социалистическому строю, в котором не было места религии, вернее, во-первых, церковь была отделена от государства, во-вторых, религиозное сословие было лишено бывшего статуса и права в прежних рамках осуществлять свою деятельность, в-третьих, в обществе господствующими стали атеизм и атеистическое воспитание нового советского человека, коммуниста. Если на первых этапах в отношении духовенства в целом осуществлялась осторожная политика, чтобы не допускать волнений среди верующего населения, то в последующем обозначение атеистической идеологии как важнейшего принципа в политике Советского государства сопровождалось постепенным уменьшением влияния духовенства на сознание население. Укрепление позиций новой власти позволило вести более активную политику в отношении духовного сословия – религиозные деятели, которые имели огромный вес и уважение среди паствы, были репрессированы, происходила масштабная антирелигиозная агитация. Эти и ряд других мер способствовали ослаблению позиций религии в массовом сознании: если старшее поколение соблюдало религиозные

ритуалы в повседневной жизни (семейно-брачной, похоронной), то советская молодежь практически отошла от религиозного мировоззрения. Причем в городе данные процессы шли интенсивнее, в сравнении с сельской местностью. Однако ошибочным является точка зрения о полном уничтожении в Советском Союзе религии и религиозной идеологии, новая власть существенно ограничила ее возможности и сузила пространство, многие религиозные учреждения (храмы, мечети) были полностью разрушены, оставшиеся переданы под нужды государственных учреждений, представлявшие историческую ценность религиозные реликвии были переданы в музеи.

Мусульманское возрождение, как известно, сопровождалось дискуссиями внутри самого религиозного сообщества, в части определения содержания исламского вероучения. Речь не о том, что последователи ислама не знают о самом вероисповедании: в постсоветский период предоставление большей свободы для конфессий выразилось в проникновении на территорию Российского государства миссионеров из арабского мира, которые внедряли в общественное сознание собственное видение и понимание мусульманского учения. Кроме того, молодое поколение дагестанцев, получившее исламское образование, повышало свою квалификацию в исламских науках, много читало, начало вступать в дискуссию и призывать не допускать внесения новшеств в ислам. Так как этот вопрос очень сложный и выходит за рамки данной статьи, нет необходимости на нем подробно останавливаться, тем более есть фундаментальные исследования, раскрывающие все аспекты радикализации сознания, участия дагестанцев в рядах ИГИЛ (террористическая организация, запрещенная в России), последствий проникновения исламского компонента в светское образование и т.д. [1].

С полной уверенностью можно утверждать, что в современном дагестанском обществе ислам стал регулятором общественных взаимоотношений, причем он стал активно участвовать в политическом процессе, образовательной сфере, более того, религиозные, в данном контексте, исламские институты претендуют на доминирование в социальной сфере. Среди двух «мощных религиозных всплесков» П. Бергер выделяет «возрождающийся ислам...» [2, с. 9], и далее он выделяет типы секуляризации: «во-первых признание тех последствий для религии, которые имеет институциональная дифференциация, являющаяся ключевой характеристикой современности... второй тип секуляризма характеризуется именно враждебным отношением к религии, по крайней мере, когда это касается ее публичной роли... третий тип секуляризма – религия изымается из публичной жизни и заключается в приватное пространство» [2, с. 11]. Можно согласиться с мнением С.В. Рыжовой, что «в условиях российской многокультурности религиозность становится маркером этнического самоопределения и вовлекается в формирование межнациональных отношений [3, с. 261]. При изучении религиозности актуализируется изучение степени воздействия конфессионального компонента на национальную сферу. Данный аспект че-

рез призму проявления национализма активно обсуждается в научном сообществе: А.А. Алиев [4], Т. Асад [5], Д. Исхаков [6], М.М. Мчедловой [7], Ю.М. Почта [8], Хобсбаум [9] и др.

Результаты исследования. На основе авторского исследования установлены позитивное восприятие дагестанской молодежью религиозного возрождения, характерной им активной культовой практики, желание жить в согласии с исламскими постулатами, толерантность в отношении прозелитской деятельности. Автор последний фактор рассматривает как причину возможного противостояния: вряд ли носители иных религиозных убеждений, а также духовные организации не будут реагировать на политику привлечения в свои ряды последователей другого вероисповедания.

Дагестан не только многонациональное, но и полирелигиозное образование, в котором исторически проживают последователи разных вероисповеданий, но большая часть населения является мусульманами. Как выстраиваются взаимоотношения между носителями немусульманского учения и каким видят респонденты статус ислама в современном дагестанском обществе – данный аспект был затронут в авторском исследовании религиозности молодого поколения дагестанцев. Аналитика на вопрос *«Вы согласны с мнением, что "ислам должен обладать определенными привилегиями в Дагестане"?»* показывает превалирование в установках опрошенных позиции о необходимости наделения ислама преимуществом с доводом о численном преобладании мусульманского населения (44,1%); об обеспечении равноправия заявляют 28,2% опрошенных и 20,0% затруднились выразить свою позицию. Анализ по национальной принадлежности респондентов показывает, что 49,6% аварского, 49,1% кумыкского, 44,3% даргинского подмассивов подчеркивают необходимость обеспечения привилегированного положения мусульманства, против 40,0% чеченцев, 41,9% лезгин, 58,3% лакцев.

Отечественные исследователи подчеркивают взаимозависимость, следовательно, и взаимовлияние национальной и религиозной сфер: исторически сложилось восприятие жителей определенного государства, региона как последователей вероисповедания, которое имеет распространение на этих территориях. Иными словами, часто религия выступает как фактор этнической принадлежности и базой для такого восприятия является огромная роль историко-культурных традиций. Если мировые религии не принимают во внимание фактор этнической принадлежности, несмотря на то что национальная принадлежность стремится «дать каждой наэтнической религии национально-особенное содержание» [10, с. 275], то, например, русскими православие рассматривается как «своя» религия и составная часть национальной культуры своего народа. Совершенно правомерно мнение Г. Косач: «самоотождествление, фактически ставшее элементом этнической идентификации ("я русский, значит, я – православный", "я – мусульманин"), мало что говорит о реальном содержании сознания и может быть совершенно формальным», т.е.

представители тех или иных этнических общностей «могут отождествлять себя с православием или исламом, вообще не веря в Бога. Сознание "неверующих мусульман" и "неверующих православных", несмотря на их самоидентификацию, предельно близко друг к другу. Религиозные различия должны влиять лишь на сознание подлинных верующих, или хотя бы "колеблющихся"» [11, с. 67]. Таким образом, совершенно закономерным является постановка вопроса о последствиях исламского возрождения для нашей республик (см. табл. 1).

Таблица 1. Распределение ответов на вопрос «Как Вы считаете, какое влияние оказало возрождение религии на развитие дагестанского общества?» (%)

Table 1. Distribution of answers to the question "What do you think the revival of religion had on the development of Dagestan society?" (%)

Варианты ответов	Положительное, улучшились межнациональные взаимоотношения (важна не национальная принадлежность, а религиозная – единый народ «умма»)	Положительное, дагестанцы демонстрируют нравственное поведение, увеличилась помощь нуждающимся, благотворительность, сострадание и милосердие	Положительное, не наблюдается противостояние между представителями разных религиозных учений	Отрицательное, религиозные учреждения и духовные лица (имамы) пытаются участвовать в образовательном процессе (светские школы, вузы)	Отрицательное, религиозные учреждения и духовные лица (имамы) пытаются участвовать в политических процессах, избирательной кампании и навязывают своих кандидатов	Отрицательное, появилось противостояние внутри ислама	Отрицательное, нравственность людей снизилась	Отрицательное, в республике появилось множество религиозных (исламских) учебных заведений, в которых противопоставляется светское и религиозное
------------------	---	---	--	--	---	---	---	---

Возраст								
15–17 лет	63,7	45,7	11,2	6,1	2,5	4,0	2,5	2,5
18–25 лет	56,5	50,6	11,2	4,1	1,2	2,4	1,8	1,8
26–35 лет	66,7	57,9	10,5	1,8	1,8	1,8	0	0
Образование								
Базовое среднее	63,4	47,5	8,7	4,9	0	1,6	3,8	1,6
Среднее	59,9	49,7	13,9	5,3	4,8	4,8	1,1	3,7
Среднее специальное	60,8	51,9	11,4	3,8	0	1,3	1,3	0
Высшее	60,7	46,4	7,1	5,4	1,8	3,6	0	0
Отношение к религии								
Убежденно верующий	69,4	49,5	7,7	2,0	0,5	1,5	1,5	0,5
Верующий	61,6	52,2	13,4	4,5	1,5	3,7	2,2	1,5
Колеблющийся	33,3	22,2	18,5	18,5	14,8	11,1	0	3,7
Неверующий	16,7	41,7	8,3	25,0	8,3	0	0	16,7
Убежденно неверующий	0	0	0	0	0	0	33,3	66,7
Национальность								
Аварцы	64,3	48,1	12,4	4,5	1,1	2,6	2,3	1,5
Даргинцы	55,7	47,5	6,6	4,9	6,6	3,3	0	3,3
Кумыки	67,3	41,8	10,9	1,8	0	3,6	0	1,8
Лезгины	51,2	60,5	11,6	2,3	0	7,0	4,7	2,3
Лакцы	58,3	66,7	0	12,5	12,5	0	0	0
Чеченцы	80,0	30,0	5,0	0	0	5,0	0	1,6
Другая	57,9	52,6	15,8	10,5	0	5,3	2,6	5,3
Всего:	62,2	48,8	10,8	4,9	2,0	3,1	2,0	2,0

Источник: составлено автором научной статьи.

Source: compiled by the author of the scientific article.

По всему массиву в общественном сознании молодого поколения дагестанцев с заметной разницей превалирует позитивная оценка религиозного, в данном контексте исламского, возрождения для дагестанского общества с доводом об улучшении межнациональных взаимоотношений, ибо «важна не национальная принадлежность, а религиозная – единый народ "умма"» (больше половины опрошенных). Анализ по социально-демографическим параметрам свидетельствует об увеличении доли таковых с возрастом; образовательный разрез констатирует обратную картину – уменьшение, хотя и не очень заметное, с 63,4% имеющих базовое среднее образование до 60,7% с высшим образованием. Разумеется, образовательный статус и возраст респондентов позволяют критически переосмыслить происходящие в современном дагестанском обществе процессы, реальный потенциал ислама и религиозных институтов в решении проблем, которые выходят за

рамки вероучения. Когорта самоидентифицирующихся как убежденно верующие и верующие, как правило, наделяют вероучение большей возможностью в решении целого комплекса проблем, поэтому вполне закономерным является позитивная оценка ими исламского возрождения для Дагестана. Результаты в этническом срезе показывают, что среди всех подгрупп доминирует положительное восприятие религиозного ренессанса, сопоставление показывает: таковых меньше среди лезгинской молодежи. Второе ранговое место занимает также положительная характеристика конфессионального фактора в нашем обществе с аргументом повышения у населения нравственного поведения, распространения и роста помощи социально незащищенным слоям (каждый второй по всему массиву). Обращает на себя внимание, что этой точки зрения наряду с подгруппами верующих придерживается одна вторая часть неверующих. Такая позиция объясняется тем, что именно подмассив неверующих и убежденно неверующих на вопрос «Кого Вы считаете истинно верующим человеком?» акцентировали внимание именно на моральном факторе – «истинно верующим человеком может быть только нравственный человек» и «нравственным человеком может быть только верующий человек» – 33,3% и 33,4% соответственно. Укрепление позиций нравственности подчеркивается подавляющей частью опрошенных лезгин и лакцев, а также каждым вторым респондентом в аварской, даргинской, кумыкской подгруппах. Далее, одна десятая часть по всему массиву положительным результатом исламского возрождения считает отсутствие межрелигиозного противостояния. Роль исламского фактора в формировании веротерпимости подчеркнута одной четвертой частью неверующих, каждым пятым из подгруппы колеблющихся; по образовательному параметру таковых меньше среди имеющих базовое среднее и высшее образование. Отрицательные варианты ответов «религиозные учреждения и духовные лица (имамы) пытаются участвовать в образовательном процессе (светские школы, вузы)», «религиозные учреждения и духовные лица (имамы) пытаются участвовать в политических процессах, избирательной кампании и навязывают свои кандидатов», «появилось противостояние внутри ислама», «нравственность людей снизилась», «в республике появилось множество религиозных (исламских) учебных заведений, в которых противопоставляется светское и религиозное» отмечены у менее 5% по всему массиву. Таким образом, опрошенная молодежь усматривает исключительно позитивные векторы в исламском возрождении для дагестанского общества и на такую оценку не влияют уровень образования и возраст. Среди указывавших на отрицательные результаты убежденно неверующие, которые подчеркивают увеличение числа религиозных учебных заведений и утрату позиций нравственности в поведении людей.

Несомненно, что в религиозной сфере ситуация не такая благоприятная, как хотелось бы, иными словами, наблюдаются деструктивные явления, которые способны отразиться на характере личностного взаимодействия как с единоверцами, так и носителями другого вероисповедания. Неоднократно было отмечено, что

мусульманское возрождение, появление культовых зданий, активность религиозной практики, массива людей с исламским образованием, ориентация родителей воспитывать детей в русле мусульманского мировоззрения и этики сопровождались неприятием деятельности религиозных служителей, скептической оценкой происходящих в конфессиональной сфере явлений. Не является секретом, что очень часто религиозные чувства населения нечистоплотными политиками используются в своих целях, кроме того, почвой межрелигиозного противостояния могут выступить неуважительное отношение к религиозной символике, оскорбление и дискриминация религиозных прав, иными словами, эти и другие факторы способны провоцировать конфессиональную нетерпимость и данный аспект был рассмотрен в рамках опроса (см. табл. № 2).

Таблица 2. Распределение ответов на вопрос «Как Вы думаете, что приводит к возникновению напряженности в межрелигиозных отношениях между дагестанскими верующими?» (%)

Table 2. Distribution of answers to the question "What do you think leads to tension in interreligious relations between Dagestani believers?" (%)

Варианты ответов	Распространение новых, чуждых традиционному исламу религиозных течений	Деятельность политических партий и лидеров, использующих религиозные чувства населения в своих узкополитических целях	Стремление исламских организаций на исключительное положение в дагестанском обществе	Борьба и амбиции духовных лидеров (имамов и т.д.) за сферы влияния	Стремление исламских духовных лиц вмешиваться в политические процессы в дагестанском обществе	Стремление исламских духовных лиц вмешиваться в образовательную систему	Стремление исламских духовных лиц навязывать людям свое видение мироустройства	Конфликт между суфиями и салафитами	Участие государства в межрелигиозных отношениях
------------------	--	---	--	--	---	---	--	-------------------------------------	---

Возраст									
15–17 лет	53,6	13,7	6,5	5,4	4,3	4,7	8,3	7,2	1,8
18–25 лет	58,8	14,7	2,9	7,6	2,4	2,9	9,4	6,5	7,6
26–35 лет	52,6	12,3	1,8	5,3	1,8	1,8	10,5	12,3	1,8
Образование									
Базовое среднее	60,7	10,4	5,5	4,9	2,7	3,3	8,2	7,7	2,2
Среднее	54,0	15,0	5,3	5,9	4,8	5,9	10,2	8,0	4,3
Среднее специальное	55,7	17,7	1,3	5,1	1,3	1,3	3,8	2,5	6,3
Высшее	41,1	17,9	5,4	7,1	5,4	1,8	16,1	12,5	5,4
Отношение к религии									
Убежденно верующий	56,6	11,2	5,1	3,6	1,5	2,6	7,1	11,2	3,1
Верующий	57,5	15,3	4,5	7,5	4,1	2,6	7,1	5,2	3,7
Коллеблюющийся	40,7	18,5	3,7	3,7	11,1	14,8	22,2	3,7	3,7
Неверующий	16,7	8,3	0	8,3	0	8,3	33,3	0	8,3
Убежденно неверующий	0	66,7	0	0	33,3	66,7	100,0	33,3	66,7
Национальность									
Аварцы	53,4	14,7	4,9	3,8	3,0	3,4	6,8	5,6	4,1
Даргинцы	44,3	16,4	4,9	6,6	3,3	3,3	11,5	11,5	0
Кумыки	69,1	7,3	7,3	5,5	3,6	1,8	5,5	7,3	3,6
Лезгины	48,8	20,9	0	14,0	2,3	7,0	23,3	9,3	4,7
Лакцы	75,0	4,2	4,2	4,2	8,3	8,3	12,5	8,3	0
Чеченцы	60,0	10,0	10,0	5,0	0	0	0	10,0	10,0
Другая	52,6	18,4	2,6	7,9	7,9	5,3	13,2	13,2	7,9
Всего:	54,9	14,2	4,7	5,5	3,5	3,7	9,1	7,7	3,9

Источник: составлено автором научной статьи.

Source: compiled by the author of the scientific article.

Полученный материал показывает, что подавляющая часть респондентов по всему массиву ухудшение взаимоотношений внутри религиозного сообщества республики связывает с распространением «новых, чуждых традиционному исламу религиозных течений». Доля придерживающихся данной позиции при сопоставлении больше в возрастном интервале 18–25 лет, при этом уровень образования влияет на снижение процентных показателей с 60,7% с базовым средним образованием до 41,1% имеющих высшее образование. Данное суждение преимущественно значимо для убежденно верующих, верующих и колеблющихся (каждый второй), в противовес когорте неверующих (одна шестая часть). По национальной принадлежности меньше отметивших данный вариант ответа среди даргинцев и лезгин (каждый второй), в остальных подгруппах – больше половины. С почти 4-кратной разницей респонденты меж-

религиозную напряженность связывают с деятельностью политических партий и лидеров, использующих «религиозные чувства населения в своих узкополитических целях». Заметных отличий по социально-демографическому признаку опрошенных не наблюдается, различия в несколько процентных единиц можно отметить по образованию и в разрезе отношения к религии: подавляющая часть убежденно неверующих виновными в обострении ситуации в межнациональной сфере считают политических деятелей. Далее, каждый одиннадцатый опрошенный по всему массиву напряженность в межконфессиональной области связывает со «стремлением исламских духовных лиц навязывать людям свое видение мироустройства»; доля таковых больше в возрасте 26–35 лет (каждый десятый), среди респондентов с высоким образовательным статусом (одна шестая часть); отношение к религии отражается на формировании критической оценки мусульманского духовенства, и в их деятельности почву обострения взаимоотношений между представителями разных вероисповеданий обнаруживают одна пятая часть колеблющихся и каждый третий из подгруппы неверующих. Варианты ответов «стремление исламских организаций на исключительное положение в дагестанском обществе», «борьба и амбиции духовных лидеров (имамов и т.д.) за сферы влияния», «стремление исламских духовных лиц вмешиваться в политические процессы в дагестанском обществе», «стремление исламских духовных лиц вмешиваться в образовательную систему», «конфликт между суфиями и салафитами», «участие государства в межрелигиозных отношениях» отмечены заметно меньшей частью опрошенной дагестанской молодежи и придерживающихся этих позиций, в сравнении больше в подмассивах неверующих и убежденно неверующих.

Заключение. Прошедший период показывает, что с каждым годом позиции исламского учения в современном дагестанском обществе укрепляются, усиливается его влияние практически на все социальные сферы. Религиоведы подчеркивают противоположные последствия религиозного возрождения. Молодое поколение дагестанцев отмечает исключительно позитивные результаты исламского ренессанса, которые заключаются в улучшении межнациональных взаимоотношений, ибо для мусульманского учения приоритетна религиозная принадлежность, следовательно, возможно избежать этноконфликтов. Укрепление принципов нравственности и поведения, расширение масштаба благотворительности респонденты связывают с исламским возрождением. Насколько данное утверждение соответствует реальности? Распространение в современном дагестанском обществе асоциальных явлений ставит под сомнение данную позицию. Не менее важным является роль мусульманского возрождения в формировании веротерпимости и межрелигиозной толерантности в массовом сознании дагестанского населения, отсутствии дискриминации по конфессиональному признаку. Деструктивными последствиями исламского возрождения являются два фактора: «распространение новых, чуждых традиционному исламу религиозных течений» и «деятельность политических партий и лидеров, использующих религиозные чувства населения в своих узкополитических целях».

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдулагатов З.М. Исламское сознание в Дагестане: в поисках умеренности: Монография. – Махачкала: Издательский дом «Дагестан», 2022. – 328 с.
2. Бергер П. Фальсифицированная секуляризация // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2012. – № 2 (30). – С. 8–20.
3. Рыжова С.В. Религиозность и межрелигиозные отношения в оценках россиян // Россия реформирующаяся: ежегодник: вып. 18 / Отв. ред. М.К. Горшков; ФНИСЦ РАН. – М.: Новый Хронограф, 2020. – С. 245–263.
4. Алиев А.А. Идеология «мусульманского национализма»: Аналитический обзор / Отв. ред. А.В. Гордон. – М., 2008. – 104 с.
5. Асад Т. Возникновение секулярного: христианство, ислам, модерность. – М.: Новое литературное обозрение, 2020. – 376 с.
6. Исхаков Д. Модель Татарстана и национализм татар // Национализм в поздней и посткоммунистической Европе. Т. 3. Национализм в национально-территориальных образованиях. – М.: РОССПЭН, 2010. – 410 с.
7. Мчедлова М.М. Религия в современной России: от «религиозного возрождения» к политизации // Ученые записки ФНИСЦ РАН. Религия в российском обществе: логика изменения статуса и роли / Отв. ред. М.К. Горшков. – М.: ФНИСЦ РАН, 2022. – Вып. 11. – С. 8–25.
8. Почта Ю.М. Исламизм и национализм на Большом Ближнем Востоке: вражда или симбиоз? // Азия и Африка сегодня. – 2020. – № 3. – С. 4–11.
9. Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 г. – СПб.: Алетейя, 2017. – 305 с.
10. Белик А.А. Культура и личность. – М.: Смысл, 2001. – 560 с.
11. Косач Г.Г. Татарстан: религия и национальность в массовом сознании // Россия и мусульманский мир. Научно-информационный бюллетень. – 2008. – № 1 (187). – С. 65–74.

REFERENCES

1. Abdulagatov Z.M. Islamskoe soznanie v Dagestane: v poiskah umerennosti: monografiya [Islamic Consciousness in Dagestan: in search of moderation: monograph]. Mahachkala: Izdatel'skij dom «Dagestan», 2022. 328 p. (In Russ).
2. Berger P. Fal'sificirovannaya sekulyarizaciya [Falsified secularization]. State, religion, Church in Russia and abroad. 2012. No. 2 (30). Pp. 8–20. (In Russ).
3. Ryzhova S.V. Religioznost' i mezhreligioznye otnosheniya v ocenках rossiyan [Religiosity and interreligious relations in the assessments of Russians]. Reforming Russia: Yearbook: issue 18. Otv. red. M. K. Gorshkov; FNISC RAN. M.: Novyj Hronograf, 2020. Pp. 245–263. (In Russ).

4. Aliev A.A. Ideologiya «musul'manskogo nacionalizma»: Analiticheskij obzor [The ideology of "Muslim Nationalism": An Analytical Review]. Otv. red. A.V. Gordon. M., 2008. 104 p. (In Russ).
5. Asad T. Vozniknovenie sekulyarnogo: hristianstvo, islam, modernost' [The emergence of the secular: Christianity, Islam, modernity]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2020. 376 p. (In Russ.)
6. Iskhakov D. Model' Tatarstana i nacionalizm tatar [Model of Tatarstan and Tatar nationalism] Nacionalizm v pozdne- i postkommunisticheskoy Evrope. T. 3. Nacionalizm v nacional'no-territorial'nyh obrazovaniyah. M.: ROSSPEN, 2010. 410p. (In Russ.)
7. Mchedlova M.M. Religiya v sovremennoj Rossii: ot «religioznogo vozrozhdeniya» k politizacii [Religion in Modern Russia: from "religious revival" to politicization]. Uchenye zapiski FNISC RAN. Religiya v rossijskom obshchestve: logika izmeneniya statusa i roli. Otv. red. M.K. Gorshkov. M.: FNISC RAN, 2022. Vyp. 11. Pp. 8–25. (In Russ).
8. Pochta YU.M. Islamizm i nacionalizm na Bol'shom Blizhnem Vostoke: vrazhda ili simbioz? [Islamism and nationalism in the Greater Middle East: enmity or symbiosis?]. Asia and Africa today. 2020. No. 3. Pp. 4–11. (In Russ).
9. Hobsbaum E. Nacii i nacionalizm posle 1780 g [Nations and Nationalism after 1780]. SPb.: Aletejya, 2017. 305 p. (In Russ).
10. Belik A.A. Kul'tura i lichnost' [Culture and personality]. M.: Smysl, 2001. 560 p. (In Russ).
11. Kosach G.G. Tatarstan: religiya i nacional'nost' v massovom soznanii [Tatarstan: religion and nationality in the mass consciousness]. Rossiya i musul'manskij mir. Nauchno-informacionnyj byulleten'. 2008. No. 1 (187). Pp. 65–74. (In Russ).

Информация об авторе: Шахбанова Мадина Магомедкамиловна – доктор социологических наук, кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник, Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН,
Science Researcher ID: ABA-2690-2020
ORCID id: <https://orcid.org/0000-0003-1325-9452>
SPIN- код: 7291-0138
Махачкала, Россия
madina2405@mail.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи

Information about the author: Madina M. Shakhbanova – Doctor of Sociological Sciences, Candidate of Philosophy, Leading Researcher, Institute of History, Archeology and Ethnography of Dagestan Federal Research Center Russian Academy of Science,
ORCID id: <https://orcid.org/0000-0003-1325-9452>

Science Researcher ID: ABA-2690-2020

SPIN- код: 7291-0138

Makhachkala, Russia

madina2405@mail.ru

The author read and approved the final version of the manuscript

Статья поступила в редакцию / The article was submitted: 10.02.2024

Одобрена после рецензирования и доработки / Approved after reviewing and revision: 19.02.2024

Принята к публикации / Accepted for publication: 27.02.2024

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов / The author declares no conflicts of interests

© Шахбанова М.М. 2024

© «ИСОМ». 2024